

К. А. СЕРГЕЕВ, А. М. ТОЛСТЕНКО

**Никколо Макиавелли как основатель
новоевропейской политологии**

После эпохи Возрождения принцип деятельности становится основным в горизонте новоевропейского мышления. Этот принцип выдвигал на первый план «конструкцию» автономного субъекта, суверенного в своих действиях, в своих актах мышления и суждения. Такого рода субъект должен быть суверенным прежде всего в сфере политического мышления. В этой сфере он стремится быть властвующим и в своих действиях исходить из своего собственного мышления и суждений, не зависящих ни от каких внешних инстанций. Никакие внешние авторитеты (в том числе мораль и религия) не допускаются в план его мышления, выражающего себя в собственных оценках и суждениях. Все проистекает только из его деятельности, которая обосновывает саму себя эффективностью и оптимальным характером, поскольку речь идет о власти как таковой. Другими словами, истина становится стратегией и тактикой мышления как деятельности, направленной на эффективность и экономичность, то есть на выгоду и полезность. Начиная с Ф. Бэкона и Р. Декарта, именно практический разум опосредует как метафизическую проблематику философской мысли, так и становление новой формы научного познания истины. В этой новой форме научное познание обретает характер свободного исследовательского предприятия.

В период Нового времени, когда шло формирование политико-экономической реальности, все более и более господствующие властные стремления человека постепенно обретали метафизическое измерение. Известно, что такого рода реальность в западноевропейском мире сформировалась в эпоху Возрождения. Эта реальность конституировалась в горизонте антропоцентрического мировосприятия. Своим регулятивным идеалом она имела такую «антропоцентрическую» свободу, которая в

сфере действия и познания выдвигала на первый план практический разум. Сам практический разум оказывается тоже «новым». Это есть разум, наделенный волей и притязающий на получение только такого знания, которое способствует непрерывному умножению его могущества. Это уже не сугубо моральный разум, после Аристотеля называемый практическим. Деятельность человека ради познания истины, конечно, имеет решающее значение, однако эта деятельность скорее направлена на эффективность, нежели на постижение «этической» субстанции. Уже Т. Гоббс отмечает, что человек способен познать истинно только то, что он может сам создать, то есть сделать. Поскольку познание истины становилось одной из основных форм человеческой деятельности в политико-экономической реальности, ориентированной на эффективность и действенность, постольку происходило отождествление истины с правильным и оптимальным действием.

В Италии, еще задолго до Макиавелли, вопрос о государе и правилах властвующего разума вызывал большой интерес у многих мыслителей. У них можно отнести Джованни Понтано, написавшего трактат о государе. Пьеро Дженнаро составил трактат о правлении государей, Джуниано Майо — о величии государей, Диомеде Карафа — об обязанностях государей, Бартоло Сассоферрато — о тиране. О политике писали Леонардо Бруни и Колуччо Салютати. О рождении из хаоса новой, единой, великой Италии мечтали Данте и Кола ди Риенцо, и даже Петрарка, которого так обожал Макиавелли. Но только Никколо Макиавелли в своей книге «Государь» впервые стал размышлять об оптимальном действии в сфере власти как таковой. «Эту книгу, — говорит Гегель, — часто отбрасывали с ужасом за то, что она полна максимами самой свирепой тирании. Но в высшем смысле необходимости государственных образований Макиавелли установил принципы, согласно которым должны были в условиях того времени создаваться государства»¹.

Макиавелли родился во Флоренции в семье мессера Бернардо ди Никколо ди Буонинсенья и Бартоломеа ди Нелли 3 мая 1469 г. Его образование было ориентировано на семь свободных искусств. Еще в детстве по рассказам отца он познакомился с Ливием и Цицероном и стал страстным поклонником древних римлян. На протяжении всей жизни он не переставал штудировать римских историков. В школе он обучался грамматике по

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*. Разд. IV. Отд. 2. Гл. 3. СПб., С. 413.

учебнику Донателло. Греческого языка он не знал, но постоянно пользовался переводами сочинений Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Плутарха и др. Однако из-за нехватки средств Никколо не получил университетского образования. Этот факт исследователи его творчества рассматривали как положительное обстоятельство. С одной стороны, Никколо удалось избежать формализма средневековой схоластики, с другой — это позволило ему создать свой оригинальный язык. Будучи избран секретарем во флорентийскую Синьорию, а затем став канцлером второй Канцелярии, Макиавелли приобрел весьма плодотворный дипломатический и политический опыт. В результате поездок («легаций») к герцогу Валентино в конце 1502 — начале 1503 года появляются такие его работы: «Описание того, как герцог Валентино избавился от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини», «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Валь-ди-Кьяны» и «Речь о снабжении деньгами, произнесенная отчасти для вступления и оправдания». Сообщение о событиях в Валь-ди-Кьяне написано по следам восстания в Ареццо 4 июля 1502 года, организованного против Флоренции Цезарем Борджа через его кондотьера Вителлоццо Вителли и подавленного с помощью Франции. Расправу герцога Валентино в Сенигалии Макиавелли считает образцом решительных и беспощадных мер, предпринятых по отношению к восставшим. «Речь о снабжении деньгами...», начало которой, как и начало трактата «Государь» буквально совпадают, затрагивает тему соотношения силы и осторожности в политике *princesps'a*.

В июне 1502 года Никколо с епископом Содерини, ставшим затем пожизненным гонфалоньером справедливости, попадают на встречу с Цезарем Борджа, стратегию которого Макиавелли считал выдающимся примером эффективных действий ради захвата власти. Именно его попытку подчинить и объединить отдельные области Италии Макиавелли изучает особенно пристально. В своем письме он пишет: «Герцог так смел, что самое большое дело кажется ему легким. Стремясь к славе и новым владениям, он не дает себе отдыха, не ведает усталости, не признает опасностей. Он приезжает в одно место прежде, чем успеешь услышать о его отъезде из другого. Он пользуется расположением своих солдат и сумел собрать вокруг себя лучших людей Италии. Кроме того, ему постоянно везет. Все это, вместе взятое, делает герцога победоносным и страшным»². В 1503—

² Цит. по: *Виллари П.* Макиавелли и его время. СПб., 1914. С. 295.

1510 годах, выполняя дипломатические поручения во Франции, Никколо изучает французскую политику. Однажды, когда кардинал Руанский бросил ему, что итальянцы ничего не понимают в военном деле, Макиавелли ответил, что французы ничего не понимают в политике, так как, если бы понимали, они не позволили бы папству достичь такого могущества. В другом случае он отказался служить французской монархии: «Предпочитаю умереть с голода во Флоренции, чем от несварения в Фонтенбло»³. В этот период им написаны следующие работы: «О природе галлов», «Памятка тому, кто едет послом во Францию», «Картина французских событий». В них он обсуждает причины могущества французской монархии, ослапленной своей силой.

21 декабря 1507 года Макиавелли отправляется к императору Максимилиану Габсбургскому. По возвращении во Флоренцию он отмечает слабость власти императора. Из германского опыта дипломатии и политики следует упомянуть «Доклад о положении дел в Священной Римской империи», написанный 17 июля 1508 года, «Рассуждение о положении дел в Германии и о германском императоре» и «Картину германских событий» (1508—1510 гг.). После того, как в 1511 г. группа кардиналов-раскольников созвала в Пизе церковный собор, и кардинал Содерини признал этот собор, на следующий год происходит реставрация власти Медичи во Флоренции. Известны письма Макиавелли к семье Паллески, сторонников власти Медичи, в которых он призывает спасти репутацию Содерини, а в его лице и республиканский строй Флоренции, открывший широкую перспективу преобразования прежних средневековых порядков. Именно при господстве католической Церкви, подчеркивает Никколо, итальянцы стали слабыми телом и духом, неспособными изгнать чужеземцев и обеспечить свободу и процветание своей Родине. Содержание воззвания «К Паллески» созвучно первой книге «Рассуждений». Однако призыв Макиавелли остался без ответа. Он был смещен со своей должности и отправлен сначала в тюрьму, будучи заподозренным в заговоре Пьетро Паоло Босколи против Медичи, а затем в ссылку в свое имение Сант-Андреа в Перкусино.

Биографию Макиавелли можно разделить на два этапа: годы государственной службы (1498—1512), когда он заявил о себе как о политическом деятеле, и годы изгнания (1512—1527), в

³ Цит. по: *Максимовский В.* Новые книги о Макиавелли // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 5. М.; Л., 1930. С. 460 (с. 000 наст. изд.).

продолжение которых создаются главные его произведения. Начиная с 1513 года, Никколо оказывается в вынужденном бездействии. В письме от 10 июля 1514 года он писал: «Так долго продолжаться не может, такая бездеятельная жизнь подтачивает мое существование, и если Бог не сжалятся надо мною, то в один прекрасный день я покину свой дом и сделаюсь репетитором или писарем у какого-нибудь вельможи»⁴. Однако именно в условиях политического бездействия у него наступает продолжительный творческий подъем. Им написаны «Государь» (1513 г.), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513—1516 г.), читанные им в кругах «садов Ручеллаи», «Диалог, или рассуждение о нашем языке» (написанный между 1514 и 1516 гг.), «Золотой осел» (1516—1517 гг.), перевод басен Плавта «Бельфагор» и «Андриа», комедия «Мандрагора» (1518 г.), трактат «О военном искусстве» (1519—1520 гг.), «Рассуждение о способах упорядочения дел во Флоренции после смерти герцога Лоренцо» (1520 г.), составленное по настоянию папы Льва X, «Описание событий в городе Лукке» и «Жизнь Каструччо Кастракани» (1520 г.). В том же 1520 году им начата «История Флоренции». Жизнь сельского отшельника не мешала ему наблюдать и оценивать актуальные политические события.

Первые восемь глав «Истории Флоренции», одного из программных его произведений, он преподнес понтифику Клименту VII в 1525 году. Затем в Фаенце он встречается с Гвиччардини для обсуждения вопросов организации пехотного ополчения. В 1526 году во Флоренции сформирована Магистратура Пяти по инспектированию состояния городских стен, куда приглашают Макиавелли. Он едет к Гвиччардини, ставшему наместником папы при армии, противостоящей испанцам. Тем не менее испанским войскам Италия противостоять не может. Происходит падение Рима. 10 мая 1527 года Макиавелли выдвигает свою кандидатуру на пост канцлера восстановленной Флорентийской республики, но члены Большого Совета ее отвергли. В ту пору Флоренция нуждалась в людях, скорее влиятельных и благонадежных, нежели в ученых и философах. Таково было расхожее мнение. Вскоре после этого 21 июня 1527 года Никколо от резких болей в желудке, мучивших его весьма длительное время, умер.

⁴ Цит. по: Алексеев А. С. Макиавелли как политический мыслитель. М., 1880. С. 109—110 (с. 134 наст. изд.).

Что же сделал для Италии Макиавелли? Когда Италия представляла собой, по словам Данте, «в суровой буре судно без кормила», Макиавелли поставил вопрос о государе (princeps), который своей доблестью (virtus) мог бы соединить воедино рассыпавшиеся национальные части, с помощью своей сильной власти создать могучее централизованное государство, в рамках которого только и возможна гражданская жизнь и любая общественная инициатива. В его работах речь идет прежде всего о «прагматике» в стратегии и тактике получения и достижения власти в формирующейся новой политико-экономической реальности.

При феодальной организации общества власть имела знаково-символическое облачение. С одной стороны, это была власть непрерывных междоусобиц и столкновений между сеньорами, власть грабежа и взимания податей. С другой стороны, верности сеньорам, церемониям и ритуалам. Макиавелли создает «новую» науку власти, где на первом плане оптимальность и эффективность сугубо политических действий. Он создает особую «технику власти», которая проходит испытания уже при монархическом правлении в период Нового времени. Эта «техника» менее расточительна с экономической точки зрения и менее рискованна с политической точки зрения, чем «технология» власти, присущая феодальному обществу, которое было терпимо к разного рода произволу, проистекающему из признанных заранее сословных и поместных привилегий. Ясно, что феодальная власть была изначально насильственной. Насильственный характер имел и институт монархической власти, который формировался в период средневековья для преодоления территориальной раздробленности и предотвращения постоянных столкновений между субъектами феодальной власти. Монархия полагала себя властью, способной не только устранять поместные столкновения и местные войны, но и властью, призванной объединить весь народ в единую целокупность национального государства. Монархия нередко осознавала себя в терминах теологии как высшей науки знания и поэтому апеллировала к церковному авторитету Рима.

Политическая «наука» Макиавелли не признает не только никаких церковных инстанций, но и никаких нравственных ограничений. По этому поводу он писал: «Когда речь идет о спасении Родины, должны быть отброшены все соображения о том, что справедливо и что несправедливо, что милосердно и что жестоко, что похвально и что позорно. Нужно забыть обо всем и действовать лишь так, чтобы было спасено ее существо-

вание и осталась неприкосновенна ее свобода»⁵. И далее: «Никакая страна никогда не может быть единой и счастливой, если она не составляет единую республику или не повинуется одному государю, как Франция или Испания, и причиною того, что Италия находится в ином положении, что она и не единая республика и не управляется единым государем, — исключительно Церковь. Ибо, получив светскую власть и обладая ею, она не сделалась настолько мощной и не обнаружила таких достоинств, чтобы оказаться в силах овладеть остальной Италией и господствовать над нею. А с другой стороны, она не сделалась настолько слабою, чтобы когда перед нею вставала опасность потерять светскую власть, она не смогла призвать могущественного покровителя для защиты против того, кто в Италии сделался чересчур сильным»⁶. А вот, что об итальянской «развращенности» говорит Лютер: «Когда бы христианская религия поддерживалась в том виде, в каком она была задумана ее основателем, то государства и республики жили бы в счастии и единении. И ничто так не свидетельствует об упадке ее, как то обстоятельство, что народы, ближе всего стоящие к римской Церкви, которая является главой нашей религии, меньше всех веруют. Если присмотреться к основам ее, увидеть, сколь отличается нынешнее состояние религии от прежнего, то можно рассудить, что близится либо погибель, либо великое бедствие»⁷.

Для утверждения, распространения и сохранения государственной власти приемлемы какие угодно средства, если они действительны и оптимальны в указанном смысле. На этом же строилась затем и новоевропейская «эпистема», в рамках которой Ф. Бэкон и Р. Декарт провозглашали свободу разума. В одном из писем Гвиччардини и Филиппе Строцци Макиавелли указывал на необходимость такого рода свободы и на действительность предприимчивого разума: «Я скажу вам вещь, которая покажется вам безумной, предложу план, который вы найдете либо рискованным, либо смешным. Но времена таковы, что требуют решений смелых, необычайных, странных». Схема действий такова: поставить Джованни Медичи, самого решительного кондотьера Италии, во главе войска, дать ему столько

⁵ *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Кн. III. Гл. 41 / Под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869.

⁶ Там же. Кн. I. Гл. 12.

⁷ Цит. по: *Де Санктис Ф.* Макиавелли // Макиавелли Н. Сочинения. М.; Харьков, 2001. С. 646—647.

солдат, сколько нужно, показать врагам и союзникам, что Италия готова бороться. И тогда Испания с Францией поймут, с кем имеют дело. «Я думаю, что нужно вооружаться без малейшего промедления и не ждать, что решит Франция»⁸. Быстро и вовремя осуществленный план обещает всегда удачу. Однако папе Клименту план показался слишком смелым. Прошло два месяца. Как нарочно, все делалось с опозданием и все лишь наполовину. В результате испанцы ворвались и разграбили Рим 4 мая 1527 г., предаваясь крайнему разврату.

Макиавелли, следуя правилам политического разума, так наставляет правителей: «Государи должны обладать великим искусством притворства и одурачивания, потому что... человек, умеющий хорошо лгать, всегда найдет достаточно легковверных людей, охотно поддающихся обману... Государям, следовательно, нет никакой надобности обладать в действительности хорошими качествами..., но каждому из них необходимо показывать вид, что он всеми ими обладает»⁹. Кроме того, правителям «надо помнить, что князь, и особенно князь новый, не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии»¹⁰. При этом Макиавелли одобряет и ставит в пример другим образ действия Цезаря Борджа: «Цезарь Борджа слыл беспощадным, тем не менее его жестокость восстановила Романью, объединила ее, вернула ее к миру и верности»¹¹. И далее: «Князь не должен бояться, что его ославят безжалостным, если ему надо удержать своих подданных в единстве и верности. Ведь, показав, в крайности, несколько устрашающих примеров, он будет милосерднее тех, кто по своей чрезмерной снисходительности допускает развиваться беспорядкам, вызывающим убийства или грабежи...»¹².

В период Возрождения в условиях становления рыночной стихии решающее значение обретает практический разум. Этот разум, отвергающий любые границы и препятствия ради достижения своих целей, в конечном счете ориентирован только

⁸ Цит. по: *Дживелегов А.* Никколо Макиавелли // *Жизнь Никколо Макиавелли.* СПб., 1993. С. 235 (см. с. 000 наст. изд.).

⁹ *Макиавелли Н.* Государь. СПб., 1869. С. 75.

¹⁰ *Макиавелли Н.* Государь // *Государь.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 85.

¹¹ Там же. С. 81.

¹² Там же.

на успех. Такой разум расчетливо планирует те или иные действия, заранее их выверяет, а также предвосхищает то или иное положение вещей ради безошибочных решений и правильных суждений. Он изменяет тем самым само понимание истины. Истина теперь относится только к таким суждениям, которые соответствуют реальному положению вещей и дел. Когда Макиавелли стал секретарем военной комиссии Десяти, он выступил инициатором учреждения народного ополчения (Ординанцы), что отвечало новому порядку вещей. План Макиавелли заключался в том, чтобы защитить Флорентийское государство, а это могли осуществить только организованные отряды народного ополчения, а не наемники. В то время войны в Италии велись кондотьерами-наемниками, служившими тем, кто больше заплатит. О них Макиавелли писал: «Это скорее вооруженные, чем воины. Их услуг ищут больше из внимания к их имени и связям, а вовсе не ввиду их доблести и числа солдат, какими они располагают. Поэтому союзы, с ними заключаемые, делятся лишь до тех пор, пока эти люди не найдут случая нарушить их» (Письмо от 29 октября 1503 г.). В таких работах, как «Рассуждение о том, как организовать государство Флоренцию в военном отношении» и «Рассуждение о флорентийских войсках и ополчении» Макиавелли размышляет о возрождении античных военных обычаев во Флорентийской республике. Только создание народной национальной армии способно было спасти Италию и восстановить ее международный авторитет, как это имело место во Франции и в Швейцарии.

Политология как наука, основателем которой следует считать Макиавелли, возникла в определенных исторических условиях. Это положение ныне является «общим местом». Однако важно восстановить тот исторический контекст, в котором феномен «макиавеллизма» становится особенно зримым. К самому Макиавелли этот феномен можно относить с такой же достоверностью, с какой материализм, скажем, к Фалесу или Демокриту. В Италии XV столетия «проявляется дух современного европейского государства, впервые свободно представленный собственным внутренним устремлением...» Этот дух являет себя ничем не ограниченным эгоизмом «в его наиболее устрашающем виде, пренебрегая любым правом...». Но там, где этот дух преодолевается, «в истории появляется нечто новое: государство как сознательно задуманное построение, как произведение искусства»¹³. XVI век в Италии — время вели-

¹³ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996. С. 9.

ких бедствий и злодеяний. Было немало жестокого и в прежней итальянской истории. Но именно время Висконти, Малатесты, Цезаря Борджа было временем, когда раскрылись все возможности, жившие в человеческой душе, в том числе и криминальные. Именно в эту эпоху само слово «политика» как «трезвая» государственная мудрость оказывается связанным с коварством, интригами и предательством. Все люди, согласно воззрениям Макиавелли, потенциальные мошенники, отличающиеся друг от друга лишь виртуозностью в своих пороках. В подобном мире ориентирами могут быть только Цезарь Борджа, Каструччо Кастракани, Франческо Сфорца и др. «Семейство Медичи стоит в самой середине обширного и разветвленно-го цикла преступлений и жестокостей всякого рода»¹⁴.

Эпоха Возрождения в Италии — это не столько эпоха светского вольномыслия, сколько эпоха деморализации общества. Ф. Гвиччардини, изучивший «философию притворства» при испанском дворе, констатирует: «Даже когда человек известен как лицемер и обманщик, люди иногда попадают на его обманы и верят ему. Странно сказать, но это святая истина, и я вспоминаю, что подобной славой больше, чем кто-либо пользовался Король Католический; при всех своих ухищрениях, он всегда встречал людей, веривших ему выше меры...»¹⁵. Служители Церкви содержат кабаки, публичные и игорные дома. В монастырях предаются оргиям и читают «Декамерон». В церквях пируют и убивают. Папа Александр VI охотится за куртизанками для своих ночных оргий. В Риме в конце XV столетия насчитывалось около семи тысяч проституток; в Венеции их было более десяти тысяч. Этому ремеслу посвящаются трактаты и диалоги. Женщин такого рода ремесла привозят из Германии. Хиромантией и врачеванием славятся венецианки и женщины из Испании. Так называемая «французская болезнь», которая появилась в Испании в конце XV столетия, распространилась по всей Западной Европе, и жертвами ее стали не только высокопоставленные светские лица, но также высшие круги клира. Внутренние раздоры в различных итальянских городах определяют всю эпоху Возрождения. Убийства и погромы, заговоры и грабежи, казни и изгнания следуют друг за другом. Мало кто из властителей умирал своей смертью. Утверждалось, что не только Лоренцо Медичи, но и Пико делла Мирандола были просто отравлены. В Италии, начиная с

¹⁴ Муратов П. П. Образы Италии. М., 1994. С. 139—140.

¹⁵ Гвиччардини Ф. Сочинения. М., 1934. С. 141.

XIII столетия, появляются кондотьеры, то есть предводители наемных военных отрядов, которые определяли характер власти в таких городах, как Сиена, Болонья, Перуджа, не говоря уже о Парме, Генуе и Милане. Уже с конца XIII в. в Милане воцаряется род Висконти, прославившийся всякого рода насилем. Властитель Неаполя Феранти (1458—1494) сажал своих врагов в клетки, тучно их откармливал, затем отрубал им головы, а их тела засаливал. Стоило ему только напомнить о его жертвах, как он тут же заливался смехом. Даже Лоренцо Медичи, при котором собиралась платоновская Академия и который вошел в историю как великий покровитель наук и искусств, охотился за красивыми девушками, казнил и вешал, никогда не пренебрегал интригами, а при необходимости использовал яд и кинжал. Врагов и заговорщиков вешали на окнах монастырей. Бандиты, состоявшие на службе родовитых семейств, устраивали сражения на открытых площадях города. Убивали на церковных празднествах и службах, так как «было почти невозможно добраться до хорошо охраняемого властителя иначе, чем во время торжественных церковных процессий; к тому же семейство князя никогда нельзя было встретить собравшимся вместе по иному поводу. Так, жители Фабриано (1435 г.) убили правящее семейство тиранов Кьявелли во время богослужения по уговору при словах молитвы “Credo”: “Et incarnatus est” («И воплотился»). В Милане (1412 г.) герцог Джованни Мария Висконти был убит при входе в церковь Сан-Готтардо, герцог Галеаццо Мария Сфорца (1476 г.) — в церкви Сан-Стефано. А Людовико Моро (1484 г.) избежал кинжалов приверженцев овдовевшей герцогини Боны только потому, что вошел в церковь не через тот вход, у которого его ждали заговорщики»¹⁶. Это было время, «когда человек должен был быть либо молотом, либо наковальной, и личность оказывала большее воздействие, чем обретенное право»¹⁷. Другими словами, исчезла всякого рода легитимность, поскольку все теперь решали только хитрость, сила и коварство.

Само слово «личность» утрачивает всякое религиозное значение. Речь идет уже не столько о личности как таковой, сколько о «персоне» и индивидууме. Если Августин подчеркивал, что личность дороже всего телесного космоса, то в эпоху Ренессанса личность редуцируется к человеческому индивидууму, обретающему значимость при наличии богатства и власти.

¹⁶ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 82.

Нет уже ни у кого никаких прав, если нет в распоряжении средств защиты и нападения. По этому принципу формировался «новый социум» в Западной Европе в период Возрождения. Когда личностное отношение ко всему сущему и происходящему подменяется индивидуальным, тогда появляются законченные злодеи, которые не просто аморальны; они не просто деморализованы. Они совершают преступления даже не для достижения определенных целей, а для собственного, так сказать, самовыражения. Если преступление совершается ради него самого или как средство для достижения целей, тогда всегда найдется повод и любое средство ради какого угодно преступления. Тут даже праздность формирует подлинную страсть к убийствам ради острых ощущений и развлечений. «Враг Бога, сострадания и милосердия» — так было начертано на серебряной нагрудной медали кондотьера Вернера из Урслингена. В период разрушения «социальной ткани», скрепляющей общество в сословный или какой-либо иной порядок гражданственности, полностью «эмансипирующий» человеческий индивидуум оказывается деморализованным, поэтому нередко становится злодеем и преступником. Уже само презрение к церковному отлучению освещало индивидуальность зловещим, можно сказать, светом.

Для «пагубы» тех или иных людей ради утверждения собственной индивидуальности используется и разного рода магия. Появляется стремление к «дьявольским» удовольствиям, к разрушению всего и вся. Именно это мы обнаруживаем в индивидуальности Цезаря Борджа, «жестокость которого в значительной степени превосходила преследовавшиеся им цели. Далее, наслаждение злом как таковым наблюдается у Сиджизмондо Малатеста... епископа из Фано»¹⁸. Когда в религиозно-нравственном плане личность уступает место индивидуальности, которая, в свою очередь, порывает с социальностью как таковой, поскольку государственность оказывается тираничной и нелегитимной, тогда вместо чувства собственной независимости на первый план выступают страсть, мстительность и самовлюбленность. Средние века имели одним из основных измерений социальных отношений христианскую веру и Церковь как ее «соборное» выражение. Когда в период Возрождения деградировала Церковь, то вместе с ее вырождением происходило извращение рыцарства. Личностное преобразовывалось в сугубо индивидуальное. Наряду с этим развивалось блестящее по-

¹⁸ Там же. С. 303.

этическое слово, получившее свое гениальное выражение в поэтике Данте, великолепное искусство живописи, скульптуры и архитектуры, которое восхваляло индивидуальность так, как на это не могли притязать ни античность, ни Средневековье. Разрушалась та «этическая субстанция», которая лежала в основе Средневековья и которая хоть как-то, но присутствовала в греческой и римской античности. Данное обстоятельство требует пояснения.

Нормальным состоянием классического греческого полиса было открытое столкновение экономических, политических, дипломатических и прочих интересов. Это состояние имело как бы «игровой» характер, то есть стремление к открытости полиса имело гораздо большее значение, чем стремление к властвованию одного полиса над другим. Дух игры и соревнования — вот что характеризует классический греческий полис¹⁹. Стремление преодолеть столкновения между враждующими знатными родами, каждый из которых стремился отнять у других принадлежащие им привилегии и почести, указывает как раз на то, что не случайно такие «государственные деятели», как Солон, Биант из Приены, Ферекид из Сирова, попали в список семи мудрецов.

Когда разрушаются социальные связи между людьми, когда происходит война всех против всех, тогда наступает период «бездомности» человеческого существа. В такие периоды человек лишается своего мира и надлежащего места в этом мире. Полис строится по образу природы, в которой все сущее имеет свое собственное место, и с помощью особого рода «логоса». Полис устанавливается как собирающее и сохраняющее начало гражданской жизни греков. Греческий полис, подобно природе, есть прежде всего единая и гармоническая совместимость всех свободных людей, наделенных статусом гражданства. Гармонизация полярных сил и настроений осуществляется на основе общего для всех правосудия, то есть на «агоре». Греческий полис создается прежде всего как единая для всех совместимость, способная объединять, а не разъединять и рассеивать. В греческом полисе человек сохраняется в своей природе, которая имеет свой собственный «логос» и оберегает всех свободных граждан в непрерывно меняющихся обстоятельствах от утраты своего присутствия в мире как едином для всех космосе. Человеческое бытие имело космологический харак-

¹⁹ Об этом см.: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.

тер, в отличие от политико-экономического, присущего нашему времени. Человек есть микрокосм всего космоса. Греки не говорили о человеке как «микрокосме», для них это было само собой разумеющимся. Определяя человека как человека политического, Аристотель постигал его как такое живое существо, которое вне полиса есть либо Бог, либо зверь.

Полисная организация человеческой жизни формировала особый «этос», способный дух вражды и ненависти подчинить взаимной согласованности интересов свободных граждан, чтобы, в конечном счете, следовать самой природе, обретающей свою гармонию в космическом обстоянии всех вещей. Вот почему в античности не могло быть никакой политологии, социологии и психологии как отдельных и самостоятельных сфер знания. Образ жизни и мысли для греков должен быть прежде всего прекрасным. И только в силу этого обстоятельства он мог быть поучительным. Не сама по себе моральность была основным стремлением греков, а жить прекрасной жизнью и в согласии со всем сущим. Этическое не отделялось от эстетического, поскольку пафос греков выражался в желании быть достойными такой жизни, которую современники и потомки могли бы считать прекрасной, а не просто моральной. Этическое мышление греков, таким образом, было связано прежде всего с эстетикой человеческого существования.

Дружба, согласно Аристотелю, означала возможность и необходимость взаимного признания свободных граждан, образующих полисную организацию общества. Согласно Цицерону, дружба как раз и есть высшая добродетель, дающая наслаждение от взаимного признания и уважения, коль скоро она выражает высшее искусство жизни. В этом искусстве важно было уметь всегда владеть самим собой. Поэтому для греков и римлян на первый план выступала «техника» жизни как таковой, а не моральность. Платон в «Алкивиаде» подчеркивает: вы обязаны заботиться о самом себе, чтобы не быть рабом собственных желаний. Греческая «техника» жизни заключалась в том, чтобы стать полностью господином самого себя. Другими словами, наслаждение самой жизнью, в которой человек не является рабом собственных вожделений, именно в этом заключается сущность «этической» субстанции древних греков и римлян в период республиканского правления. Когда разрушается эта субстанция, тогда римская доблесть лишается гражданской основы, и тогда появляется необходимость в новом принципе. Христианство получает все более и более широкое распространение.

В христианском мировосприятии «природное» в человеке означает то, что следует всегда подавлять и взнуздывать. Христианский универсум прежде всего моральный. Человеческое грехопадение означало извращение морально-благостного миропорядка всего *ens creatum*. Поэтому от каждого человека требовалось соблюдение норм церковного вероучения, которое было неотделимо от обязательной для всех и каждого моральности, включающей в себя также и аскетику. В период распространения христианства общепринятым было мнение, что на этой грешной земле человек является всего лишь странником. В трактате «О Граде Божиим» Августин порицает всех тех, кто сугубо земной план жизни предпочитал небесному. Мирское ставилось в противовес священному. Мирская изворотливость и ловкость «пользователей мира», ставящих частный интерес превыше Бога, осуждалась церковным сознанием. Церковь и светское общество осмысливались как атрибуты «единого мистического тела Христова». Поэтому светская власть была подсудна каноническому праву, а само «политическое тело» общества было в постоянной зависимости от Церкви. В непрерывных столкновениях светской власти с церковной в период Средневековья все большее значение получала власть как таковая, а не сама по себе Церковь с ее приходами. Уже в 1215 г. королевской власти в Англии была навязана Великая хартия вольностей.

В эпоху Возрождения принцип *habeas corpus* («можете взять тело») защищался как принцип автономности человеческого существа от сугубо церковной власти и как принцип гражданских прав, ограждающих каждого от произвола королевской власти. Формировалась новая политическая организация социума, которая уже не требовала от человека того, чтобы внимать самостоянию природы как таковой (античный полис), или заповедям Бога, заключающим в себе весь замысел сотворенного Им мира. Новая форма политической организации общества была призвана решать задачи предвосхищающего расчета и планирования событий, чтобы упреждать их заранее, контролировать и управлять ими, даже если они происходят стихийно.

Становление новой формы социальности требовало построения государства как художественного произведения. Государство как произведение искусства тем самым скорее неявно, чем явно, противопоставлялось божественному творению мира из ничего. Устранение самого церковного миропорядка с присущей ему изначально моральностью сопровождалось постоянной апелляцией к античному гражданству, то есть к демократиче-

скому полису греков и республиканскому Риму; к античной эстетике жизни как таковой. В этой связи Макиавелли предстает перед нами как законченный язычник с его верой в логику и всеислие политического разума. Он сознательный противник христианской религии и римской курии, в которых он видел не только причину политического упадка, но и источник нравственной деградации: «Мы, итальянцы, обязаны Церкви и священникам тем, что стали нерелигиозны и дурны»²⁰. Отсюда понятно, почему Цезарь Борджа с его ясностью ума и твердостью духа, несмотря на полное отсутствие моральных устоев, для Макиавелли гораздо в большей мере человек, нежели добрый и благороднейший его друг Содерини, который, «глупая душа», из-за своей слабости и неспособности удержать власть погубил республику. Мораль и религия, свобода и добродетель без точного расчета и волевого характера — все это отныне только пустая фраза.

Христианским идеалам Макиавелли противопоставляет античные образцы. Мирская слава для античности была высшим благом, поэтому греки и римляне смелее и решительнее в своих действиях. Блаженство обретал лишь тот, кто обретал славу в мирской жизни: философы, военачальники, правители государств, тогда как для средневекового христианства блаженство обретали люди смирения и созерцания. Величие духа, физическая сила и все то, что способно сделать людей смелыми, — все это выступало высшим благом для античности. Христианская же религия требует силы ради страдания, а не для того, чтобы совершить то или иное решительное деяние. Вот, вследствие чего, согласно Макиавелли, мир стал добычей злодеев, ибо набожные люди с их верой в лучшую, райскую жизнь бессильны им противостоять и склонны, по своей природной бездеятельности, терпеть злодеяния. Макиавелли мыслит, как римлянин времени Сципионов, с той лишь поправкой, что точный и умелый расчет, волевой и ясный ум, не замутненный никакими сверхъестественными элементами и фантазиями, составлял для него идеал политической мудрости. Все, что человека «размягчает», для него неприемлемо. Макиавелли восхищается «Историей» Полибия. До сих пор неизвестно, откуда он знал выдержки из шестой книги: напечатанный в Италии в 1475 году перевод включал лишь пять книг. Такая привязанность Макиавелли к Полибию говорит о многом. Макиавелли восхищался силой римской религии, считая ее, вслед за Поли-

²⁰ *Макиавелли Н.* Рассуждения. Кн. I. Гл. 12.

бием, одним из решающих условий величия Древнего Рима²¹. Римский правитель Нума изобрел римскую религию, чтобы опираться на ее авторитет для своих новых установлений. И Макиавелли считает религию сугубо человеческим изобретением для усиления мощи государства.

Восстановление величия Италии он связывает исключительно с монархией. Новые моральные принципы, включающие прочность клятвы и преданность, добропорядочность и предприимчивость в мирских делах, — установление этих принципов он связывает не с религией, а с воспитанием под контролем гражданского общества. Степень религиозности для Макиавелли имеет обратную зависимость: чем меньше религиозности, тем прочнее нравственность и гражданский порядок, тем быстрее достигает процветания «принципат», для которого как наука, так и политика функционируют «по ту сторону добра и зла». Именно в этом состоял основной пафос ренессансного сознания, обретающего свою основу в антропоцентрическом мировосприятии. Гуманистическая образованность, отменяя моральную «субстанцию» Средневековья, занимает место религиозного благочестия. Этика и моральное поведение лишаются своего священного значения в сравнении с «техникой» жизни и искусства, то есть техникой живописи, ваяния и архитектуры. Ренессанс снова выдвигает на первый план эстетику существования в противовес моральному миропорядку Средних веков. Другими словами, исчезала «этическая субстанция», в которой не нуждались ни Леонардо да Винчи, ни Микеланджело, ни Челлини, ни тем более Макиавелли.

Идея возможного материального благополучия и справедливости в период формирования политико-экономической реальности обретала, можно сказать, навязчивый характер. Основной становилась идея, что в сугубо земных условиях, причем только человеческими усилиями, можно устроить благоденствие и гарантировать тем самым каждому человеку «спасение», то есть устранить состояние «бездомности» и снова превратить мир в «родной дом» человеческого бытия. Все более действенной становилась предприимчивость, на первый план выдвигалась разумно-расчетливая деятельность, которая при экспансии рыночных отношений требовала устранения всяких запретов и границ. Таким образом происходила десакрализация мира, которая приводила к подчинению даже церковного сообщества (*universitas fidelium*) политико-экономической реальности.

²¹ Ср.: Рассуждения. Кн. I. Гл. 11; *Полибий*. Кн. XI. Гл. 56.

Макиавелли, по сути дела, как раз и есть основатель новоевропейской политологии как науки. Он объявляет «этическую субстанцию» средневекового миропорядка излишней для человека в его гражданском достоинстве. Макиавелли настаивает на том, что политическое «кредо», необходимое для конституирования устойчивого гражданского общества в условиях политико-экономических реалий, должно отвергать морально-религиозные требования. Макиавелли предлагает следующее: «...овладевая государством, захватчик должен обдумать все неизбежные жестокости и совершить их сразу... Дело в том, что обиды следует наносить разом, напротив, благодеяния надо делать понемногу, чтобы они лучше запечатлелись»²². И далее: «Я никогда не побоюсь сослаться на Цезаря Борджа и его образ действия»²³. Властвующий разум должен быть прежде всего действенным, поэтому он оказывается вне религии и морали, коль скоро религиозно-моральная мысль теряет свою эффективную действенность. Макиавелли впервые осознал политико-экономическую реальность в ее собственной самодостаточности. Он отделяет политику от религиозных верований и сугубо моральных поучений, поскольку в его время политика как таковая уже становилась не только искусством, но и «наукой», имеющей свой собственный метод. Для Макиавелли важным является не столько моральное совершенствование, сколько ясность ума, то есть осознание всех своих действий и проектов. Он формулирует ясные и отчетливые правила для руководства политического ума. В них религиозно-нравственные принципы принимаются лишь в той мере, в какой они способствуют утверждению и сохранению власти как таковой. Любые проекты истинны, если они эффективны и осуществимы.

Известно, что Декарт с его учением о методе является основателем новоевропейской науки как *mathesis universalis*. Однако эта наука с ее «правилами для руководства ума» уже в известной степени предвосхищалась Макиавелли, поскольку именно он создавал правила для властвующего ума, которые открывали совершенно новую сферу знания: знания-как-действия в политико-экономической реальности. Сам Макиавелли об этом пишет так: «Хотя по причине завистливой природы человеческой открытие новых политических обычаев и порядков всегда было не менее опасно, чем поиски неведомых земель и морей, ибо люди склонны скорее хулить, нежели хвалить по-

²² Макиавелли Н. Государь. М., 1996. С. 63.

²³ Там же. С. 74—75.

ступки других, я тем не менее, побуждаемый естественным и всегда мне присущим стремлением делать, невзирая на последствия, то, что, по моему убеждению, способствует общему благу, твердо решил идти непроторенной дорогой, каковая, доставя мне доуки и трудности, принесет мне также и награду от тех, кто благосклонно следил за этими моими трудами»²⁴. И далее: «И если из-за скудости ума, недостаточной искушенности в событиях нынешних и слабого знания событий древних попытка моя окажется безуспешной и не слишком полезной, она все-таки откроет путь кому-нибудь другому, кто, обладая большею силою духа, большим разумом и рассудком, доведет до конца этот мой замысел...»²⁵. Создание государства как художественного произведения требует особой «техники» власти. Искусство и техника все еще неотделимы друг от друга. Всякое искусство изобретает свои собственные правила и средства для создания своего творения. Макиавелли в этой связи отмечал: «...в Италии... достаточно материала, которому можно придать любую форму», но не хватает людей, способных оформить Италию в единое государство как высшее художественное творение²⁶. Вот почему в «Государе», посвященном Лоренцо Медичи, Макиавелли формулирует правила построения государства как такого устройства подлинной гражданской жизни людей, в котором человеческие дарования и доблести не столько бы все расстраивали и сеяли смуту, сколько способствовали бы объединению всех людей в их гражданском согласии. Должны быть заложены надлежащие и прочные основания для государства как художественного произведения. Если такие основания не заложены заранее, пишет Макиавелли, то тем не менее при наличии великой *virtù*, то есть доблести, «это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего...»²⁷.

Во Флоренции XV столетия формируется новоевропейское политическое сознание. В этой связи Я. Буркхардт отмечает, что Флоренция этого времени заслуживает наименования «первого современного государства мира». «Здесь весь народ совершает то, что в княжеских государствах является делом одной семьи. Удивительный дух Флоренции, остро рассуждающий и одновременно художественно творящий, непрерывно меняет

---

²⁴ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Кн. I. М., 1996. С. 113.

²⁵ Там же.

²⁶ Макиавелли Н. Государь. Гл. XXVI. М., 1996. С. 107.

²⁷ Там же. Гл. VII. С. 56.

политическое и социальное состояние общества и столь же беспрерывно описывает и судит его. Так, Флоренция стала родиной политических доктрин и теорий, экспериментов и интриг, но также, наряду с Венецией, и родиной статистики и прежде всего первой — ранее всех государств мира — родиной исторического изображения в современном смысле слова. К этому присоединилось впечатление от Древнего Рима и знание его историков...»²⁸ На протяжении многих столетий человек формировался и оставался тем, чем он был для Аристотеля, а именно: живым существом, способным к полисному существованию. Начиная с Возрождения, человек становится существом, жизнь которого в деле политики постоянно ставится под вопрос. И в императорском Риме, и в эпоху эллинизма вообще жизнь в политике всегда была неопределенной. Политика представляла во всем своем смертоносном блеске, поскольку уже тогда закон полностью стирался, а институты правосудия заключали в себе тенденцию к исчезновению.

В период Возрождения ставится вопрос о человеке в его достоинстве и величии. Подлинное основание этого вопроса следует искать не столько в специфике человека как живого существа и в его отношении ко всему иному существу, сколько в новом способе отношения к жизни и истории, к Церкви и искусству. «Окрестности» человеческого существования, пронизанные особой «техникой» знания и власти. Другими словами, сущность человека определяется его богатством и понимается в терминах потребностей и интересов, то есть в терминах осуществления всего возможного. Особое значение придается «ценности Тела» в политико-экономической реальности. Через эту ценность происходит политическая упорядоченность человеческой жизни. Если «дворянская аристократия утверждала особость своего тела, но это было утверждение по крови, то есть по древности родословной и по достоинству супружеских союзов», то буржуазия, с другой стороны, «дабы снабдить себя телом, напротив, смотрела с точки зрения потомства и здоровья своего организма»²⁹. Господство буржуазии, ее собственное самоутверждение зависело от безграничной экспансии силы, жизни и воли к власти; «она стремится дать себе некоторую сексуальность и на ее основе конституировать себе специфическое тело — “классовое” тело со своими особыми здоровьем, гигиеной, потомством и своей породой...»³⁰ Если история по-

²⁸ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 55.

²⁹ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 229.

³⁰ Там же.

стигается Макиавелли как художественная реальность, в которой не столько судьба, сколько человек является творцом своей собственной жизни, и в силу этого государство должно строиться как художественное произведение, создаваемое по определенным канонам и неотъемлемым правилам, то именно на этом основании он говорит и о возможности монархической власти, понимая властителя как суверенного творца и как искусного изобретателя. Как раз этим обстоятельством обусловлены его «правила для руководства политического ума». И здесь важно отметить следующее. Человек может осуществить только то, что он действительно знает. Знание и могущество человека, по словам Ф. Бэкона, совпадают³¹. Именно об этом гласит следующее его наставление: «Первое предписание: человек — мастер своей судьбы — должен умело пользоваться своей линейкой и правильно прилагать ее, то есть заставить свой ум определять значение и ценность всех вещей в зависимости от того, насколько они способствуют достижению им своих целей и своего счастья, заботясь об этом непрестанно, а не от случая к случаю. Удивительное дело, и тем не менее это неоспоримый факт, что существует очень много людей, у которых логическая часть ума (если можно так выразиться) действует хорошо, математическая же — очень плохо, то есть эти люди способны достаточно умно судить о тех последствиях, которые могут вытекать из того или иного поступка или действия, но они совершенно не знают цену вещам»³². О том же говорит и Декарт, когда он провозглашает, что «можно достичь знаний, весьма полезных в жизни, и что вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы, как и они, использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владетелями природы»³³.

Поскольку практический разум заранее все рассчитывает и оценивает, постольку логика истины оказывается логикой адекватных в ситуационном плане суждений. Поэтому уже у

³¹ См.: *Бэкон Ф.* Новый Органон. Кн. 1 // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 12.

³² Там же. Т. 1. С. 485—486.

³³ *Декарт Р.* Рассуждения о методе // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 286.

Гоббса логика сводится к знаковому исчислению, у Лейбница она становится комбинаторикой, еще ранее Ф. Бэкон создает «Новый органон», а Р. Декарт — «Правила для руководства ума». Стремление к могуществу определяет теперь природу истины и характер ее познания. Когда Ф. Бэкон подчеркивает, что знание должно быть силой, уже тогда политико-экономические реалии выдвигаются на первый план не только в сфере человеческой жизнедеятельности, но и в практике научного познания всего сущего.

При дворе королевы Елизаветы макиавеллизм был очень модным поветрием. Ф. Бэкон, будучи тогда молодым, впечатлительным и честолюбивым юристом, всеми силами стремился добиться королевской милости. Он хорошо понимал, что не только должен находиться на уровне своего времени, но и даже опережать придворную методу мысли и поведения. Макиавеллизм не есть строго научная доктрина, а скорее определенный образ мировосприятия и мышления, такое жизненное кредо, которое диктуется некоторыми характеристиками человеческого естества. Отдельные стороны эпохи Возрождения он выразил лучше, чем кто-либо другой. Макиавелли приобрел известность тезисом: «Цель оправдывает средства». В протестантских странах от этого тезиса сначала приходили в ужас. Но потом к нему проявили академический интерес, а в XX столетии этим положением оправдывали любые преступления. Однако в Италии макиавеллизм воспринимался как вполне заурядное явление. Вся политико-экономическая жизнь Флоренции, Милана, Венеции и других областей Италии, включая Ватикан, была основана на осуществлении этого положения. Макиавелли, как уже об этом говорилось выше, извлекал свою политологию из собственного дипломатического опыта, из близкого знакомства с Цезарем Борджа и другими сильными мира сего. Подлость, вероломство, ложь, братоубийство, отравление, коварный расчет и т. д. — все использовалось политиками и плутократами ради наживы и захвата власти. Однако Макиавелли не просто констатировал беспринципность подобного положения вещей. Он был теоретиком, способным осмысливать беспринципную практику формирующейся политико-экономической реальности. Важно было указать цель и разъяснить, что следует понимать под надлежащими средствами ее достижения. Разъяснение Макиавелли были нетривиальными и весьма четкими. Его сочинение «Государь» — это своего рода политология, т. е. руководство по эффективному использованию государственной власти. Идеалом Макиавелли является твердый порядок, в ко-

тором осуществляется баланс сил и человеческих стремлений. Не столько власть сама по себе является целью, сколько строгое функционирование государственного механизма, который уподобляется искусно созданному произведению. Он учитывал стремление к удовольствиям, жадность, плотоядие и другие низменные стороны человеческой природы. Но для него все это было лишь вторично. Макиавелли настаивал на том, что могущественная власть государя должна утверждаться даже вопреки счастью подданных. Власть необходима не ради наслаждения жизнью, а ради организации ее по строго упорядоченной схеме. Интересы государства как художественного произведения и как четко отлаженного механизма должны быть выше отдельных интересов подданных. Сам государь должен постоянно трудиться, все иметь в виду и все рассчитывать. Любые эмоции и страсти Макиавелли рассматривал как такую данность, которую государь должен использовать в деле укрепления своей власти. Ф. Бэкон потом говорил, что для власти создан только тот, кто способен понять до конца человеческую природу.

Мы до сих пор не осознаем надлежащим образом господствующую ныне политико-экономическую реальность, которая определяет не только внешние обстоятельства, но и внутреннюю суть человеческого бытия с изначально присущим ему экзистированием. В этой реальности на первый план в сфере действия и познания выдвигается, как об этом уже говорилось выше, практический разум. Речь идет не о «практическом разуме» Канта, а об основном положении Маркса относительно практики как критерия всякой истины. Философия, которая в период Нового времени превращается в онтологию познания и в метафизику практического разума, имеет в своей основе «логос» антропоцентризма. В метафизике Канта он становится трансцендентальной логикой, а в спекулятивной диалектике Гегеля — «онто-тео-логией» (М. Хайдеггер). Логос разума, наделенного самостоятельной волей, развертывается в метафизике практического разума. И как раз в силу этого обстоятельства философия распадается на онтологию и теорию познания, на этику и эстетику, на философскую антропологию и культурологию. Продолжается до сих пор процесс поглощения философской мысли идеологией, которая осуществляет тотальную политизацию сознания. Еще совсем недавно философская мысль растворялась в логике и методологии научного познания (неопозитивизм), затем в структурализме и герменевтике. Возникает даже так называемая «философия по краям». Суть не в

том, чтобы выяснять основной логос антропоцентризма, получающего свое выражение в метафизике труда и воли к власти, которая во многом определяет ныне саму парадигму научного познания. И не в том суть, в какой степени внешняя власть воздействует на познание истины. Суть в тех эффектах власти, которые циркулируют в самом режиме научных положений и суждений. Сказано еще было Бэконом, что знание должно быть силой; что только такое знание может быть истинным, которое способствует возрастанию могущества человека над природой и социальной стихией. Коль скоро говорится о такого рода знании, то уже сам дискурс режима познания истины конституирует внутреннюю сущность власти как таковой. Проблема власти обычно постигается в юридических терминах (право, конституция, суверенность и т. д.), либо в терминах государственного аппарата как механизма подчинения и подавления. Об этом говорит марксизм в разных его вариантах и либерализм, рассуждающий постоянно о тоталитаризме. Однако механизм власти самой по себе остается для нас за «семью печатями» по той простой причине, что в современных условиях человеческого существования власть стремится к ментальной «нормализации» индивидуумов. Отсюда столь важное значение придается психологии, психоанализу и средствам массовой информации.

«Массовый человек» является легко внушаемым существом. Благодаря воздействию средств массовой информации ныне преобладают разного рода внушения. Имеет место феномен обширного коллективного внушения, который предопределяет весь набор отличительных признаков сознания современного человека. Исчезает инстанция самосознания, и все сводится теперь к интенции сознания. Однако сама эта интенция определяется журналистикой, телевидением и кинематографом. Все происходит так, как это намечал Макиавелли в своей политологии.

Макиавеллизм вовсе не есть аморальность как таковая; не есть просто беспринципность, если речь идет о сугубо нравственных отношениях или социально-политических идеалах. Макиавеллизм есть выражение властвующей воли, озабоченной установлением гражданского устройства общества как такого художественного произведения, которое может быть создано по каким угодно правилам, лишь бы эти правила способствовали устранению социального «беспредела» и утверждению законного порядка. Разумеется, эти правила выражают волю к могуществу в политико-экономической реальности. Такого рода

волю утверждал Наполеон во всех своих предприятиях. О такой воле говорил К. Маркс, выдвигая на первый план революционизм как таковой. Метафизику этой воли создавал Ницше. Этой метафизике труда и власти подчинял свое мышление В. И. Ленин. В прошлом ее воплощал и Мао Цзэдун в своей «культурной революции». Речь идет не просто о тех или иных доктринах, призванных поучать и наставлять. Речь идет о тактике и стратегии знания как власти, которое устраняет всякие препятствия ради собственного самоутверждения. В этом суть макиавеллизма и всей новоевропейской цивилизации. Макиавеллизм неотделим ни от новоевропейского монархизма, ни от новоевропейского революционизма, ни от большевистской революции и сталинизма, ни от «американизма», который пронизывает уже не только Западную Европу, но и современную Россию.

Вне феномена «макиавеллизма» невозможна вообще теория современной политологии, коль скоро она понимает создание государства как искусство, восстанавливающее по особым правилам законность, гражданский порядок и согласие, утраченные из-за всеобъемлющей гражданской войны, понимаемой в самом широком смысле. Политика, в основе которой лежит принцип власти, стремится реализовать свои цели какой угодно ценой, но при одном условии: если это позволяет экономика. Данное обстоятельство понимал даже Ленин. Поэтому, осознавая катастрофичность политики «военного коммунизма», он провозгласил программу новой экономической политики. Он понимал, что рыночная стихия, допускаемая в строго определенных рамках, способна стать такой силой, которая будет определять и политику. Политическое мышление Сталина было не менее «гениально», поскольку в борьбе за утверждение своей власти он не признавал не только никаких нравственных, но даже и экономических ограничений. Его стратегия коллективизации сельского хозяйства и затем индустриализации имела такой же смысл для экономики страны в целом, как каннибализм для улучшения питания.

Следует подчеркнуть, что в XVII и XVIII столетиях властные отношения утверждаются через свободное предпринимательство, которое создает свое собственное социально-экономическое пространство. Именно в этот период возникает новая технология власти, позволяющая социально облачать индивидуумов и их поступки в горизонте полезности и законности. В этом плане особенно интересны концепции «социального договора» Гоббса, Локка и Руссо. Эти концепции имеют свою со-

циально-экономическую основу. Они не есть просто измышления интеллектуалов или просто идеология буржуазного общества, как об этом говорили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии». Сущность «социального контракта» определяется свободной предпринимательской деятельностью в сфере экономики, которая утверждала себя в Западной Европе, начиная с XV столетия³⁴. В то же самое время формировалась и новоевропейская наука как свободное исследовательское предприятие. Начиная с XVII столетия, западные интеллектуалы, то есть философы, поэты и литераторы, притязали на непрерываемое для них право говорить от имени истины, добра и справедливости. Интеллектуал убеждал себя и постоянно уверял других в том, что он является выразителем «универсального разума» и «духа времени». В России интеллигенция облекла себя статусом выражения народной воли и совести. Марксизм в пролетариате обнаружил «субстанцию» народной воли и такого нерелективного сознания массовых производителей, которая может быть артикулирована только извне; причем интеллектом, уже заранее знающим свой политический выбор, имеющим ясные и отчетливые идеи и занимающим строго моральную и даже религиозно непрерываемую позицию.

Интеллектуал притязает быть фигурой универсального сознания, которое замутнено «коллективным духом» народа, нации, пролетариата и особенно крестьянства. Вот почему марксизм, включая его ленинский вариант, отвергал прежде всего национальное сознание и дух крестьянства. Народ слагается из пролетариата как производителя всех материальных благ. Задача интеллектуала в том заключается, чтобы сделать ясными и просветить интересы и потребности рабочего класса. Как носитель универсального сознания и как свободно мыслящий субъект, он противостоит, с одной стороны, недифференцированной «народной обывательской стихии»; с другой стороны — «компетентным» инстанциям, или «спецам», которые находятся на службе капитала и государства. Он выступает незаангажированным, якобы никем не купленным. И, в силу принятой на себя роли просветителя, вдохновителя и вождя, интеллектуал оказывается просто вынужденным быть писателем, художником и литератором вообще, противопоставляющим свое свободное познание истины, свое жертвенное служение добру, справедливости и красоте господствующим властным отношениям.

---

³⁴ См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.

Но истина не есть привилегия тех, кто якобы достиг успеха в освобождении самого себя, выжимая, так сказать, по капле из самого себя раба, как об этом много говорили еще совсем недавно, однако сегодня уже почти никто и не вспоминает. Истина не есть вознаграждение, даруемое некоему свободному мыслителю, интеллектуалу и художнику, некоему свободному духу. Сама по себе и вне тех властных отношений, в которых раскрывается нам бытийность всего сущего, истина ныне не существует. Истина немыслима вне экспериментирования. Она не производится вне разнообразных форм контроля и принуждения.

Любое современное общество, будь оно тоталитарным или демократическим, имеет свою «политику» истины, поскольку именно общество образует свое пространство для определенного режима истины, для своего особого типа дискурса, который этот режим принимает как свой собственный, и который функционирует как истинный. Всегда присутствует особый механизм и те интенции, которые позволяют отличать истинные и ложные суждения, которые имеют характер средств и орудий санкционирования всего истинного и ложного, имея в виду те или иные социальные ситуации и события. В любом обществе есть своя техника и процедуры согласованной оценки в процессе принятия каких-либо решений и приобретения истины относительно политико-экономических реалий. Даже в тоталитарном обществе определяется статус тех, кто призван и обязуется выяснять все то, что считается истинным. Другими словами, в политико-экономической реальности истина не есть «открытость» в древнегреческом значении слова ἀλήθεια. Истина не есть veritas в средневековом смысле Откровения. Истина не есть достоверность как согласование суждений вещам как таковым. Истина теперь производится экспериментированием и подчиняется разнообразным формам контроля. Образуется тем самым особое пространство контролируемого режима истины. В политико-экономической реальности формируется, можно сказать, своя особая «политическая экономия» истины, которая характеризуется тем, что политика определяет экономику, по словам Ленина, а экономика, согласно Марксу, диктует свой режим производства истины. То, что теперь считается истиной, «депонировано» в форме научного дискурса в тех институтах, которые призваны заниматься делом ее производства и распространения.

Вот почему в наше переходное время ученые постоянно апеллируют к государству, к его бюджету и вообще к властным

отношениям. Они требуют поддержки для производства фундаментального знания. В противном случае, говорят они, не будет ни науки, ни, в конечном счете, нынешнего государства. О чем все это свидетельствует? Важно еще раз отметить, что познание истины и производство знания в политико-экономической реальности подвергаются непрерывному воздействию со стороны политико-экономических требований и проектов.

Требования истины теперь имеют такой же вездесущий характер, как и требования экономической продуктивности, включая требования к самой по себе политической власти, призванной все так или иначе регулировать и контролировать. Такого рода требования, а именно стремление к экономической эффективности и действенности политической власти, непрерывно циркулируют во всем социальном теле общества. Именно это тело должно подлежать всеобщему контролю. Другими словами, когда знание имеет характер силы, когда информация обретает значимость одной из самых важных ценностей, истина производится, распространяется и сохраняется под контролем политико-экономических реалий. Истина ныне имеет не столько характер знания в его философско-научном понимании, сколько характер информации. Как раз в силу этого обстоятельства современное индустриальное общество называют «информационной цивилизацией». В форме идеологической борьбы, которая приобрела характер информационной конкуренции, истина оказывается вопросом политических дебатов, а также непрерывных социальных коллизий. Парламентская система, охватывающая сегодня все больше и больше стран, способствует тому, что отныне имеют место постоянные столкновения за «истину» в ее сугубо информационном измерении. В таком измерении истины споры всегда ведутся вокруг «истины». Информационный режим истины выдвигает на сцену социального театра не столько интеллектуала и мыслителя, сколько публициста и журналиста; и в этом театре публицист играет роль скорее драматурга по заказу, нежели роль режиссера или хотя бы талантливого актера. Речь идет уже не столько об истине, которая должна быть открыта и получить затем строгое обоснование и вследствие этого приниматься, сколько о правилах игры, согласно которым истинное отделяется от ложного по степени его информационной значимости. Отныне происходит столкновение не на стороне «истины»; скорее имеет место постоянное столкновение относительно «статуса» и «режима» истины, имеющей теперь сугубо информационную значимость в политико-экономической реальности.

В философских концепциях прошлого столетия истина выражалась в разного рода системах, учениях и доктринах. В период так называемой социалистической революции в России Ленин опирался на учение Маркса. Он создал учение о партии, которая, согласно доктрине Маркса и Энгельса, призвана быть «авангардом рабочего класса». Ленин создал партию как команду «профессиональных революционеров». Он создал теорию «неравномерного развития капитализма», согласно которой из общей цепи капитализма вырывается «слабое звено». Если Маркс утверждал, что социалистическая революция возможна только в самой капитализированной стране, которая исчерпала все возможности наличных производственных отношений, то, с другой стороны, как полагал Ленин, революция возможна только там, где «звено» капиталистической системы оказывается наиболее слабым. Ленин на первый план выдвигал этап захвата власти и удержания власти во что бы то ни было. Именно для этой цели он создал теорию неравномерного развития капитализма. Затем возникла концепция построения социализма уже в отдельно взятой стране, причем в такой, где звено «капиталистической цепи» оказывается наиболее слабым. Тем самым он устранил доктрину Маркса, в которой основную роль социально-экономического развития и самой исторической реальности играла диалектика производительных сил и производственных отношений. Здесь истина существует в форме учения, в форме так или иначе обосновываемой доктрины. При этом подчеркивается закономерность социально-исторического процесса, причем якобы вне всякого произвольного вмешательства человеческого ума и воли.

Экономическому детерминизму Маркса противостоял волюнтаризм Ленина, а затем Сталина. Такого рода волюнтаризм, лежащий в основе политического мышления, присущ любым тоталитарным системам. Ленин говорил: «политика есть концентрированное выражение экономики»; тогда как Маркс подчеркивал преобладание экономики над политикой. Но даже и это учение Ленина о «слабом звене» и партии профессиональных революционеров не могло быть для Сталина непререкаемой доктриной. Ясно, что власть всегда ищет доктрину для самоутверждения и самооправдания. Но истина в форме учения и доктрины не всегда приемлема для власти, которая стремится быть тоталитарной. Важно подчинить себе любую доктрину, чтобы сделать ее достаточно диалектической, достаточно эластичной, чтобы пользоваться ею ради достижения тех или иных целей. Большевики во главе с Лениным шли к власти

под знаменем марксизма. Учение Маркса они использовали только ради оправдания своих акций. Марксизм был провозглашен истиной, имеющей характер обязательной доктрины. Однако уже Ленин ставил власть выше всякой «доктринальной истины». Он говорил: «марксизм — это не догма, а руководство к действию». Когда «истина» марксизма, включая ленинский вклад, стала превращаться в помеху для власти, Сталин начал расправляться со «жрецами» такого рода истины. Любого, кто защищал чистоту «буквы» марксизма, объявляли «начетчиками» и «талмудистами». Власть, если она становится тоталитарной, не нуждается ни в каких авторитетах. Она сама по себе становится авторитарной. В этой связи Макиавелли советовал властителю: «...в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места... А с чернью следует поступать так, как она этого заслуживает: проповедовать одно, делать другое; обещать, но не выполнять; казаться добродетельным, но не быть им; не просить, но приказывать; внушать страх, но не любовь; обижать сразу, благодетельствовать понемногу; не верить клятвам, полагаться на силу; выглядеть львом, походить на лису...»³⁵

Испанский мыслитель Ортега-и-Гассет изумлялся тому обстоятельству, что если марксизм, который претендовал на победу в наиболее развитом капиталистическом обществе, победил в России, где капитализм только еще набирал силу, то это величайший парадокс, «какой только мог случиться с марксизмом». Однако марксизм не опровергается такого рода остроумием. В России победил не марксизм, а большевизм, причем вопреки марксизму. Суть дела в том, что истина в форме научно обоснованного знания в политико-экономической реальности уступила место истине как идеологии и информации. Публицистика, средства массовой информации, разные формы агитации и пропаганды «штампуют» определенный тип сознания, создают тот настрой «массового» человека, который ныне есть просто «беспочвенное» существо. Таким существом можно манипулировать как угодно, а журналист, претендующий на «объективную» информацию, становится «журналюгой», использующим ради своих целей любую информацию. Истина, утратившая философско-научное измерение и превращаемая в значимость информационного порядка, редуцируется к разного рода оценочным суждениям, либо поддерживающих властный контекст общества, либо этот контекст устранивающих.

³⁵ *Макиавелли Н.* Государь. Гл. XVIII.

Такого рода «режим» истины своим основным условием имеет власть и деньги, то есть такой «логос» объективирующего мышления, который Маркс пытался ниспровергнуть, Ницше — устранить его мораль и религию; тогда как Ленин и Сталин ясно и отчетливо осознавали, что в современном обществе ради удержания власти речь идет не столько об истине в ее научно-философском осуществлении, сколько об информации, которую можно использовать в любое время и как угодно ради тех или иных целей. Следует еще раз отметить, что именно власть создает свой режим истины и производит необходимую ей информацию. Информация уже не столько добывается и приобретается, сколько просто фабрикуется.

Переход от тоталитарной системы власти и экономического режима к демократии означает разрушение сложившейся властвующей системы и социально-экономической структуры общества. В такой ситуации криминальный элемент оказывается единственной инстанцией, способной к инициативе и разного рода предприимчивости. Этому способствует сама властвующая структура тоталитарного общества, которая действует всегда вне всякого права, вне какого-либо закона. Для нее закон не писан; поэтому она сама по себе уже изначально имеет криминальный характер. Привычное лицемерие здесь уже не порок. В режиме тотального контроля и подчинения «лучше всего сочетать добрую славу человека чистосердечного... при случае — способность к скрытности, а в крайней нужде и к притворству»³⁶. В период революционных потрясений на первый план выходит, в силу разрушения властвующих и социально-экономических отношений, криминальность как таковая. Она становится повсеместным явлением. Так было в период Ренессанса, так было в эпоху Великой Французской революции. В более широких масштабах это происходит и ныне.

³⁶ Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1972. С. 361—364.